

БАКУНИН А.В. (Екатеринбург)

ВОЙНА И ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

До последнего времени советская историография рассматривала Великую Отечественную и Вторую мировую войну в целом с позиций марксизма-ленинизма, точнее формационного подхода. С помощью этой методологии как инструмента познания делался вывод о закономерной победе в войне СССР как прогрессивной и передовой общественно-экономической формации над империализмом в лице его наиболее агрессивного отряда — германского фашизма. Не отрицая определенной ценности формационного подхода, тем не менее с его помощью трудно объяснить все многообразие глобальных процессов в истории человеческого общества. Поэтому мировая историческая наука использует цивилизационный подход, выделяя в истории сообщества аграрно-ремесленный, индустриальный и постиндустриальный этапы. Для всестороннего анализа переломных периодов в истории общества и производства применяется также цивилизационно-технологический анализ. Представляется, что плюрализм в методологии, использование всех этих подходов позволит дать наиболее полную и объективную картину истории человеческой цивилизации и ее крупных поворотов. При таком подходе по иному выглядят события, связанные с развитием стран, формированием и развитием тоталитарных и демократических режимов, их столкновением и крушением в XX в.

Промышленная революция в XVIII-XIX вв. вывела человеческую цивилизацию с аграрно-ремесленного на индустриальный путь развития. Индустриализация и технический прогресс, повсеместное распространение транспорта и связи, рост образования и культуры создали новые условия для экономического, социально-политического и духовного развития сообщества в XX в. Широкое развитие получили средства массовой информации, сформировался их потребитель, возникли организации влияния на массы (партии), появился практический опыт управления обществом, социально-политическими процессами и массовой мобилизацией людей (мировые войны). Все это создало благоприятные возможности для развития экономики, демократии, гуманизма и более полного социокультурного обеспечения в одних странах, а в других возникли режимы, пытавшиеся решать эти проблемы с помощью тоталитаризма, массового насилия над людьми. Именно

на основе глобального противоречия в человеческой цивилизации XX в. при переходе на этап индустриального развития между демократией и деспотией в ряде государств Европы и Азии (Италий, Германии, СССР, Испании и др.) в 20-30-е гг. сформировались тоталитарные режимы, которые, обещая народам изобилие и процветание, обрушили на них массовые репрессии, террор и вовлекли мир в кровавую бойню.

Тоталитаризм как полный, цельный, всеохватывающий контроль государства над обществом в России начинает формироваться после Октябрьского переворота 1917 г., он утвердился и достиг апогея в 30-40-е гг., оказался в полосе стагнации в середине 50-80-х гг., а на рубеже 80-90-х гг. был разрушен. В Италии тоталитаризм достиг силы в 20-е, в Германии, как и в СССР, — в 30-40-е гг. Характерными чертами, критериями, признаками тоталитаризма стали: 1) концентрация власти в руках одной, построенной по принципу вождизма, партии; 2) наличие одной, обязательной для всех граждан и касающейся всех важных сторон человеческой жизни, идеологии; 3) утверждение государственной монополии на массовые коммуникации и организации граждан; 4) осуществление произвольного и не считающегося с правовыми гарантиями полицейского террора, призванного держать население в перманентном страхе; 5) создание централизованного, базирующегося на государственной собственности, планового хозяйства; 6) милитаризация экономики и социально-политической жизни общества. Экспансионистский характер сталинского и гитлеровского тоталитарных режимов, стремление к мировому господству, их несовместимость с неизбежностью привели к столкновению во Второй мировой войне.

В период Второй мировой и Отечественной войн основные критерии советского тоталитаризма проявились наиболее рельефно, выпукло, претерпев некоторые изменения. Советская историография безапелляционно утверждала, что коммунистическая партия явилась вдохновителем и организатором победы советского народа в Великой Отечественной войне. При этом подвиг народа изображался едва ли не как следствие мудрого руководства партии. Такой подход неправомерен. Беспримерный подвиг народа в войне не подлежит сомнению. Что же касается руководства им, то рассматривать победу как результат политики партии вряд ли есть основания. Если сказать точнее, тоталитарный режим во главе с номенклатурой защищался от фашизма российским народом.

В годы войны партия по существу полностью была встроена в государственные структуры и в соответствии с характером админис-

тративно-командной системы ее принципы и методы руководства были бюрократическими, что негативно отражалось на результатах. Основным принципом был централизм во главе с диктатором, демократический по названию и бюрократический на деле, что сковывало инициативу подчиненных, порождало боязнь решать вопросы самостоятельно, вплоть до высших эшелонов власти. Только этим можно объяснить провалы в стратегической и тактической оценке войны, огромные человеческие жертвы, разрушения и территориальные потери, особенно на ее начальном этапе. Объяснять это внезапностью гитлеровского нашествия по меньшей мере наивно.

Однако жестокая и опасная для тоталитаризма война заставила его несколько изменить существовавшую схему: непогрешимый вождь — серые управленцы — послушная масса. Более гибким, податливым стал сам диктатор, особенно по отношению к военным. Произошла замена управленческих и военных кадров, выдвинулись талантливые и неординарные люди, способные самостоятельно принимать и реализовывать наиболее эффективные решения (Н.А.Вознесенский, А.А.Кузнецов, А.Н.Косыгин, Г.К.Жуков и др.). В определенных рамках была раскрепощена инициатива относительно широких масс. Критическая обстановка и патриотический подъем создали для многих не только иллюзию, но и возможность персонального выбора образа действия. Отсюда — новаторские движения на производстве, широкое развертывание партизанской войны, различные патриотические формы помощи в тылу, не говоря уже о героизме солдат и офицеров на фронте. Это же предопределило инициативу низовых партийных звеньев по организации людей на подвиг как на фронте, так и в тылу. Они стали заметным явлением в обществе, давно уже лишившем их каких-либо личностных прав.

Произошли некоторые отступления в утвердившейся до войны единой большевистской идеологии. В первую очередь тоталитарный режим отказывается от прежнего откровенно репрессивного ленинского антирелигиозного курса. Было восстановлено патриаршество, вновь открылось множество храмов и некоторые монастыри, организован в апреле 1943 г. Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. Бывший председатель союза безбожников СССР Е.М.Ярославский в конце 1942 г. на межобластном совещании пропагандистов в Куйбышеве выступил против организации антирелигиозной пропаганды. В этом же году вышло в свет претенциозно озаглавленное издание "Пра-

ва о религии в России” — своеобразная идеологическая акция, призванная разрекламировать новую религиозную политику Сталина¹. Причины этого “нового курса” в отношении религии коренились в обостренном войной кризисе коммунистической идеологии, в попытках возродить русский патриотизм, тем более, что идейные и организационные возможности церкви по мобилизации общества на борьбу с врагом были огромны. В период войны в храм социалистической идеологии были допущены новые ценности. “Святые чувства” защитников “единственного в мире социалистического государства” были дополнены российскими и имперскими атрибутами — офицерство, генералитет, гвардия, нереволюционные ордена и т.п., подняты на щит имена великих русских полководцев и защитников России — А.Невского, Д.Донского, А.Суворова, М.Кутузова, К.Минина, Д.Пожарского и др. Все это придавало патриотизму глубину и историческую преемственность. Патриотические призывы к единству и сплочению народа в годы войны не только обеспечивали его героизм на фронте, но и перевыполнение сверхнапряженных планов по выпуску продукции в тылу. Вместе с тем тактические отступления власти в области большевистской идеологии не меняли ее существа и строжайшим образом контролировались репрессивными органами. Не случайно первым председателем Совета по делам церкви при СНК СССР являлся полковник госбезопасности Г.Г.Карпов.

С наибольшей силой в годы войны проявилась такая черта тоталитаризма, как утверждение государственной монополии на массовые коммуникации и организации граждан. Государство усилило повсеместный политический контроль над трудовой, духовной, бытовой жизнью по существу каждого гражданина общества. Резко были ограничены передвижения граждан. Большое внимание уделялось надзору не только за радио, периодической печатью, литературой, искусством, живописью, кино, но и за личной перепиской граждан, особенно военных и репрессированных. Министерство госбезопасности (МГБ) организовало три отдела: военной цензуры, политического контроля (ПК) и международное отделение, которые были строжайшим образом засекречены. Вскрытие и читка писем граждан и других видов информации, доведенная до уровня ювелирной работы находилась на высоком техническом уровне. Наряду с центральной, организации цензуры функционировали во всех областных управлениях МГБ, которые работали буквально подпольно в своей собственной стране. Военная цензу-

ра контролировала письма военнослужащих, ПК — всех граждан, международная — переписку с родственниками и знакомыми за рубежом. ПК обеспечивал регулярный сбор и анализ секретной информации о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям власти. При этом орудовали по принципу “лучше перебрать, чем недобрать”, крамола выискивалась в действиях и особенно в умонастроениях людей. На основе доносов цензуры на подозрительных или виновных в антисоветских настроениях составлялись “Наблюдательные дела”, на основе которых люди подвергались репрессиям². Для работников высшего эшелона власти, особенно военных, контроль за умонастроениями осуществлялся с помощью установки аппаратуры подслушивания. В 1942—1943 гг. такие аппараты были установлены, например, на квартирах членов Политбюро, маршалов Тимошенко, Жукова, Буденного и др. Агентурное обслуживание со стороны МГБ осуществлялось за известными писателями, поэтами, артистами, в том числе за Анной Ахматовой, Сергеем Лемешевым и др.³

В период Отечественной войны в огромных масштабах осуществлялся произвольный и не считающийся с правовыми гарантиями полицейский террор, державший население в страхе. Советские историки об этом писали только применительно к 1937—1938 гг., а репрессии тоталитаризма в период войны, как правило, замалчивались. Характерной чертой репрессивной политики в годы войны стала массовая депортация народов, начавшаяся еще накануне ее начала. В 1940 г. подверглись репрессиям жители захваченных территорий Западной Украины, Белоруссии и Прибалтийских стран. Они были депортированы в Поволжье и на Урал. В Сибири и Казахстане появились так называемые “польские осадники и беженцы”. С февраля 1940 по июнь 1941 гг. было депортировано около 380 тыс. чел. С августа 1941 г. началось выселение советских немцев и финнов из Поволжья, пригородов Ленинграда и других районов. На Урал и в Сибирь было выслано 949.829 чел. В течение 1943—1944 гг. такая же участь постигла крымских татар, болгар, греков, армян, турков-месхетинцев, курдов, хемшитов, азербайджанцев. В момент нового поселения их на Востоке было учтено 1.023.115 чел.⁴ Летом 1945 г. на положении спецпереселенцев в Средней Азии и Казахстане оказалось 175 тыс. корейцев, перемещение которых с Дальнего Востока началось еще в 1937 г. На 1 января 1949 г. на учете состояло 2.300.223 спецпереселенца (не считая умерших и сбежавших), из них 1.835.078 чел. относились к категории

выселенных навечно. В годы войны и послевоенный период тюрьмы и лагеря страны наполнили бывшие советские военнопленные, власовцы, оуновцы, взятые в плен немцы и др. В 1941 г. в СССР насчитывалось (без спецпереселенцев и депортированных) 2,4 млн заключенных, в 1945 г. — более 1,7 млн чел.⁵

Историки утверждали, что весь советский народ выступил на защиту своей Родины. Эта позиция требует серьезной корректировки, так как факты говорят о другом. Уже 28 июня 1941 г. в информации Организационно-инструкторского отдела секретарям ЦК ВКП(б) Андрееву, Жданову, Маленкову, Щербакову говорилось, что “некоторые обкомы сообщают об отдельных случаях антисоветских высказываний и поджогах”⁶. Многие советские граждане отказывались воевать на фронте. С начала войны по 10 октября 1941 г. из вновь мобилизованных и воинов Красной Армии особыми отделами и заградительными отрядами НКВД было задержано 657.364 военнослужащих, отставших или бежавших с фронта (т.е. дезертиров). Тоталитарный режим жестоко расправился с ними: 10.201 чел. были расстреляны, остальные штрафными батальонами отправлены на фронт⁷. Сотни тысяч дезертиров было в 1942—1943 гг., из которых многие подверглись высшей мере наказания. Наибольшее число их было на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном фронтах. Не будем говорить о правомерности или неправомерности террора в период войны, однако ясно, что сотни тысяч даже по мобилизации не хотели защищать тоталитарный режим. Если в годы гражданской войны насчитывалось более миллиона дезертиров, то в отечественную эта цифра как минимум удвоилась.

С начала войны организуются формирования казачьих частей восточно-германских добровольческих войск. Многие казаки не простили режиму расказачивания и уже осенью 1941 г. в Новочеркасске был создан Донской казачий комитет. Летом 1942 г. возникают казачьи полки, избирается походный атаман войск С.В.Павлов — бывший казачий офицер, работавший инженером-конструктором в Новочеркасске. В октябре 1943 г. в Казачьем Стане насчитывалось 77 тыс. казаков и членов их семей. В их декларации от 15 октября 1942 г. говорилось: “Донское войско просит Германское правительство признать суверенитет Дона и вступить в союзнические отношения с Донской республикой для борьбы с большевиками”⁸. Зимой 1942—1943 гг. при министерстве восточных территорий был создан специальный отдел, а в марте 1944 г. — Главное управление казачьих войск во главе с известным генералом

Н.Н.Красновым, которое решало не только пропагандистские задачи, но и вопросы комплектования казачьих частей.

Против тоталитарного режима в СССР выступила Русская освободительная армия (РОА). В результате бездарного сталинского руководства в начале войны в плену у немцев оказалось огромное число советских солдат, из них 2 млн погибли в лагерях зимой 1941—1942 гг. Из многих оставшихся под руководством генерала Власова была сформирована РОА. В своих воззваниях и выступлениях Власов ставил задачу освобождения страны от большевизма и создания в будущем свободной и независимой России. В конце войны в состав РОА были включены казачьи войска. Наряду с РОА, против советских войск сражалась освободительная украинская армия во главе с Бандерой. С целью объединения антибольшевистских сил в период войны делались попытки создания политических организаций. Эту задачу хотели решить советские люди, находившиеся в сталинских лагерях и тюрьмах, которых на начало войны насчитывалось свыше 2,4 млн чел. В ноябре 1941 г. инженеры К.Воскобойников и Б.Каминский, отсидевшие в лагерях, начали издавать на оккупированной территории Орловской области (с.Локоть) газету “Голос народа”, а затем опубликовали манифест создаваемой народной социалистической партии России (НСПР). В нем отмечалось, что “партия создалась в подполье в сибирских концлагерях”, ее программой является: 1) полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя; 2) бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли; 3) бесплатное наделение каждого гражданина России усадьбным участком; 4) свободное развертывание частной инициативы; 5) амнистия всем коммунистам, с оружием в руках участвовавшим в свержении сталинского режима и т.д.⁹ Манифест быстро получил известность, а упор в программе на нужды людей, антиколхозная пропаганда, обещание наделить землей и другие меры находили отклик у крестьянства. Руководителям НСПР удалось создать несколько партизанских групп, приступивших к вербовке в члены партии. Все это вызвало серьезное беспокойство и быструю реакцию со стороны советских органов. В январе 1942 г. организация была разгромлена, а ее руководитель Воскобойников убит¹⁰.

Как видим, в период Отечественной войны далеко не весь народ защищал советский общественный и государственный строй, немало было людей, не желавших этого делать, и особенно тех, кто с оружием

в руках боролся против тоталитарного режима за освобождение России от большевизма. Их участь оказалась печальной и трагической, формирования и организации были разгромлены, руководители казнены, а участники заключены в тюрьмы и концлагеря. В годы войны подверглись необоснованным репрессиям, а затем и расстрелу многие недо-вольные сталинским руководством советские офицеры и генералы, в том числе маршал Кулик Г.И., генерал-полковник Гордов В.А., генерал-майор Рыбальченко Ф.Г. и другие, не говоря уже о тех, которые побывали в немецком плену.

В период Отечественной войны получила развитие монопольно-государственная экономика со сверхцентрализованным и отраслевым управлением, особенно в военном машиностроении. Командно-приказная система стала более жесткой, всеохватывающей, сверхцентрализованной. Это дало возможность использовать для работы на нужды фронта все народное хозяйство, природные и людские ресурсы. Структуры тоталитарной власти в виде чрезвычайных органов были преобразованы в политотделы и штабы в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте. Основой жесткой структуры власти стали партийные комитеты всех уровней. В центре тоталитаризм управления отчетливо проявлялся в действиях Государственного Комитета Обороны (ГКО), которым руководили Политбюро ЦК и лично Сталин.

Советская историография утверждала, что сверхцентрализм в годы войны обеспечил наиболее эффективное использование ресурсов. Вряд ли с этим можно согласиться. Факты говорят о расточительном, бесхозяйственном, варварском расходовании средств, материалов, принудительном труде. Характерной чертой практики военного времени было достижение поставленной цели любой ценой. Важен был результат, а все остальное приносилось в жертву. Пожалуй, более бережно относились к материальным ценностям (хотя расточительство было и здесь). Что же касается людей, то ими жертвовали в первую очередь, не считаясь с масштабами. Особенно показателен в этом отношении беспредел и варварство в использовании труда заключенных ГУЛАГа, спецпереселенцев и депортированных народов. Здесь жертвы исчислялись миллионами.

Вместе с тем необходимо отметить, что в период войны в экономике влияние административно-бюрократических методов в определенной степени было локализовано энтузиазмом и инициативой народных масс, партийных организаций, местных органов власти. В литературе

эта тема получила, пожалуй, самое широкое освещение. В тяжелейших, экстремальных условиях люди шли на любые жертвы и лишения во имя победы над врагом. Необходимо также подчеркнуть, что эта победа народа в войне была использована сталинским режимом для того, чтобы реабилитировать свою систему — “победил советский общественный и государственный строй”. Победа народа в этой войне способствовала укреплению культа личности Сталина, над этим немало потрудились партийные идеологи. Однако в войне победил народ, а советский тоталитаризм как система дал первую и глубокую трещину.

В период Отечественной войны наивысших пределов достигла милитаризация экономики и общественно-политической жизни, а в конце ее наиболее отчетливо проявился экспансионистский характер советского тоталитаризма. Милитаризация экономики в условиях военного времени вполне закономерное явление, и в этом плане особенно показателен Урал, ставший главным военным арсеналом. Все отрасли народного хозяйства края в первую очередь выполняли заказы оборонной промышленности под лозунгом “Все для фронта, все для победы!” Однако с довоенных времен здесь получил развитие и стал господствующим подневольный и принудительный труд. Число заключенных в 1938 г. в регионе составило более 330 тыс. Огромным было число спецпереселенцев. Например, в Надеждинске их насчитывалось более 85 тыс., в Кизеле — 45,3 тыс., Магнитогорске — 40,6 тыс. Нижнетуринске — 27,8 тыс., Нижнем Тагиле — 15 тыс. и т.д.¹¹ Механизм тоталитарного режима был четко отработан: ведомства запрашивали дешевую рабочую силу у диктатора и по его заданию НКВД поставлял из тюрем, лагерей и спецпоселков необходимый контингент, который систематически пополнялся за счет массовых репрессий. Так, на Магнитке из 80 тыс. рабочих и служащих более 50 тыс. составляли спецпереселенцы и заключенные, на строительстве НТМК и Уралвагонзавода — 33 тыс. По приблизительным подсчетам на 2 млн рабочих Урала приходилось 450-500 тыс. заключенных и спецпереселенцев. В конце 30-х гг. принудительный труд стал обязательным для всех рабочих и служащих промышленности. В период войны, кроме того, широкое распространение получил дешевый труд депортированных.

Милитаризация охватила все общество. Уже в предвоенные годы развернулась военная подготовка трудящихся. К 1941 г. военным обучением по линии Осоавиахима было охвачено 13,6 млн чел. Партия выдвинула и осуществляла на практике лозунг: “Превратить каждую

фабрику и завод, колхоз и совхоз в неприступную крепость обороны!” В период войны милитаризация общества стала всеохватывающей.

В предвоенный период советский тоталитаризм сделал первые пробы по защите своего режима в военных конфликтах на Халхин-Голе, у озера Хасан. Выступая на XVIII съезде партии, Сталин недвусмысленно заявил, что вторая мировая война может привести к победе революции в одной или в нескольких странах. Его сподвижник, заместитель наркома обороны Мехлис под бурные аплодисменты поставленную вождем задачу понял как перенесение военных действий на территорию противника, выполнение интернациональных обязанностей и умножение числа советских республик. И, как известно, тоталитаризм расширил границы “социализма” в советско-финской войне, а также захватил территории Эссарабии и Польши, Прибалтики и Западной Украины. В ходе Отечественной войны, с конца 1943 г. начался “триумфальный” поход Красной Армии в Европу. С этого времени сталинское руководство начало фронтально осуществлять стратегический курс на расширение социализма, насаждение коммунистических режимов в странах Восточной и Центральной Европы. Его освободительная миссия против фашизма трансформировалась в борьбу за геополитическое превосходство “социализма” над капитализмом. Таковы в общем плане особенности советского тоталитаризма, проявившиеся в период 1941—1945 гг., они, на наш взгляд, требуют глубокого исследования для того, чтобы представить более объективную историю Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родина, 1992. № 1. С. 88.
2. АВЗЕГЕР Л. Я вскрывал ваши письма. Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ //Источник. Приложение к ж. “Родина”. С. 41-57.
3. Родина, 1993. № 4. С. 72, 74.
4. Отечественная история, 1992. № 6. С. 141; Социологические исследования, 1990. № 1. С. 5-10.
5. История Отечества. Вып. 2. М., 1992. С. 17.
6. Известия ЦК КПСС, 1990. № 6. С. 212.
7. Родина, 1993. № 4. С. 78.
8. Там же. № 2. С. 71.
9. Там же. № 11. С. 53.
10. Там же.
11. БАКУНИН А.В. Советский тоталитаризм: генезис, эволюция и крушение. Екатеринбург, 1993. С. 92.